

МУЗЫКАЛЬНЫЙ И ТЕАТРАЛЬНЫЙ ВЪ С Т Н И К Ъ.

ГОДЪ ВТОРЫЙ.

№ 29.

28 ЮЛЯ 1857.

Выходить одинъ разъ въ недѣлю (по воскресеньямъ).

Цѣна 10 руб. сереб. въ годъ съ доставкою на домъ; иногороднимъ прибавляютъ за пересылку 1 руб. 50 коп.

Подписка принимается: въ Редакціи Журнала, находящейся въ С. Петербургѣ, въ Офицерской улицѣ, близъ Большаго Театра, въ домъ Книпера кв. № 33; въ книжныхъ магазинахъ П. Раткина, Смирдина, Базунова, Вольфа и Давыдова; въ Москвѣ, въ музыкальномъ магазинѣ Лентограда и въ книжномъ Базунова.

Содержаніе: Красносельскій Театръ (Н.). — Разныя извѣстія (М. Р.). — Заграничное торжество русской артистки Пажелы Богдановой. — Иностранный Вѣстникъ. — Миссъ Анжели. — Комедія. Денежный вопросъ (А. Дюма).

СПЕКТАКЛИ ВЪ КРАСНОСЕЛЬСКОМЪ ТЕАТРѢ.

(Письма въ Редакцію).

Свѣдѣн. 29 июля.

Существованіе театра въ Краенѣмъ Селѣ публикѣ конечно не безизвѣстно, но о спектакляхъ, сколько я знаю, нигдѣ не пишутъ. Дѣло въ томъ, что публика здѣшняя состоитъ почти изъ однихъ офицеровъ и потому театрѣ, несмотря на свои размѣры, имѣетъ видъ домашняго, а не публичнаго театра. Новыхъ пьесъ здѣсь не ставятъ, дебютовъ не бываетъ; самое устройство театра и отдаленность его отъ Петербурга недопускаютъ постановки пьесъ, требующихъ большихъ перемены декораций и значительнаго числа актеровъ. Кромѣ того, въ дѣшевое время, многіе изъ лучшихъ артистовъ получаютъ отпуски и потому не проходятъ гдѣ, чтобы мы не были лишены удовольствія видѣть того или другаго изъ первостепенныхъ артистовъ. Пылѣшій годъ въ этомъ отношеніи несчастіемъ другихъ: Самойловъ за границей, г. Мартыновъ — боленъ; чувствительно также отсутствіе гг. М. Максимова и Юрлина. Тѣмъ болѣе чести Дирекціи, что, несмотря на эти обстоятельство, она постоянно поддерживаетъ интересъ зрителей и театрѣ почти всегда бываетъ полонъ. Почти каждое мелкое пьесъ въ пылѣшнемъ году, 16 июля, поставленъ. Былъ наконецъ *Ревизоръ*. Посѣтителѣ театра съ нетерпѣніемъ ждали представленія, обидая себя много удовольствіемъ отъ исполненія знаменитой русской комедіи. Многіе, въ томъ числѣ и я, ожидали чего-нибудь особеннаго; мы привыкли видѣть со стороны актеровъ особенное вниманіе къ красносельской публикѣ, да и дѣйствительно, нелзя же актеру, позволяющему себѣ разныя вар-

сы, единственно изъ уваженія публикѣ, собирающейся въ верхнихъ ложахъ Александринскаго Театра, допустить тѣ же фарсы у насъ, гдѣ вовсе нѣтъ риска и гдѣ публика преимущественно состоитъ изъ гвардейскихъ офицеровъ. Такіе образцы и отъ г. Максимова мы ожидали особеннаго вниманія въ выполненіи роли *Хлестакова*, но къ сожалѣнію ожиданія наши не сбылись, и г. Максимовъ позволялъ еще себѣ одну прибавку, которая, въ комедіи Гоголя, не можетъ имѣть мѣста. Послѣ того, какъ разныя лица города, представившись именитому гостю и давъ ему цѣлныя деньги, ухотѣли наконецъ по домамъ, г. Максимовъ, пересчитавъ деньги, говоритъ слѣдующее: «А жѣ! правитель здѣшній городѣ! чиновникъ все такой славный народъ! — денегъ дають взаимно; — а попробуй-ка въ Петербургѣ! — въѣдъ тамъ воть даже портной въ долгъ фрака не сошьетъ... ей Богу! — ужъ развѣ въ Краенѣмъ Селѣ попробовать?...»

Отчего же въ Краенѣмъ Селѣ? — Развѣ оттого что тамъ есть театрѣ, на которомъ дають *Ревизора*?! — но въѣдъ это неизвѣстно Хлестакову. Другаго повода къ этой фразѣ не придумаешь, а этого негодится. Хорошо дѣлать прибавленія къ накому либу въ водевилу, но послѣдуетъ измѣненія текста комедіи, которую многіе знаютъ наизусть и автора которой любятъ и чтятъ болѣе всего образованныхъ людей въ Россіи. Намъ показалось также извѣстнѣе, что Хлестаковъ слѣдуетъ долго разсматривать Добчинскаго и Бобчинскаго, когда они приходятъ къ нему представляться. Эти господа дѣйствительно смѣшны, но зачѣмъ же Хлестакову разсматривать ихъ, какъ уроковъ: публикѣ смѣшно, но натурально шутка нѣтъ въ ущербъ. — А ну что, какъ нашъ пьесъ? — спрашиваетъ Хлестаковъ, и потомъ, внимательно вслушиваясь на своихъ посѣтителѣхъ, прямо подитъ, что съ нами ненужно долго объясняться, и потому немедленно говоритъ: — «А что, денегъ нѣтъ у васъ? — Пауза должна быть короткая, какъ коротко мысленная фраза: а съ этими господами можно прямо, безъ объясненій...»

Г. Сосишскій игралъ *Городничего* воспитательно, лучше даже чѣмъ когда-либо въ другой разъ. Замѣчательна также была игра г-жи Аниской (роль *Анны Андреевны*) и г. Алексѣева въ роли *Бобчинскаго*. О прочихъ актерѣхъ мы не

говорим только потому, что игра их в этот раз была приблизительно такая же, как и в других представлениях комедии *Реморь*, и еще потому, что спланировать перейти к другому представлению, в котором участвовала возвратившаяся из-за границы г-жа Надежда Богданова. День 19-го июля, для Красносельского Театра, был настоящим праздником. Еще за два дня все билеты были разобраны, но все же желающих видеть г-жу Богданову — удивительного не было никакой возможности. Погода в тот день была ужасная; иначе как в крытом здании выглянуть из дому было нельзя: — несмотря на то, в театре не только не было пустых мест, но и в ложках, сидело по семи и по восьми человек, хотя по принятому этикету, быть пяти обыкновенно не считается. В этот раз все интересные были забыты; все же хотелось видеть нашу русскую славу, нашу любимую Богданову. Еще накануне собраны были деньги, а утром, в день представления, купель была превращена в бассейн, что между прочим оставалось полною тайною для самой Богдановой. Спектакль начался по-прежнему *Винченцо*. По окончании действия, автор его, исполнявший главную роль, был вызван; он не очень внимательно прочел свою роль, но публика была довольна: представление удовлетворило ее особенно хорошо. Затем шла сцена из *Ишида Паря*, начинающаяся арией контральта: «*Акань мамь ибана*». Оркестры, составленный из молодых музыкантов, исполнял плохо, неудачно, в особенности трубы жестоко проли, но публика тоже не обратила внимания; уж и такой был день! — потребовали даже повторений, но опомнились. Затем шел, подвешив Коронами: *Полки в любви*. Артисты много выдвинулись, особенно г-жа Борисова и Леонтьева. В другой яры восторгу было бы меньше, но тут все было особенно расположено к рукоплесканию: уж и такая! Но вот, наконец и давно ожидаемый момент. Г. Лилие садится на зыбко г. Дервельта... занавес поднимается и из-за кулис вылетает она, для которой день этот был посвящен. О рукоплесканиях ничего и говорить против: столько шуму, прежде не было г-жи Богданова забывалась от обязанности кланяться и благодарить публику и паче чудно, полное и искреннее восторгу, *Сомнохотана*. Как она это танцует — и не говорю: кто видел — знает, а кто не видел, тому не рассказывать. По окончании танца, г-жу Богданову вызвали и тут же вручили в (сукте) приготовленный браслет *). Когда они его закрепили, то после нескольких минут уединения поднялся к г-же в глубокую и похвалу... Ближайшего выражения благодарности не может быть. Она очевидно отбыла нашу поларку: она вышла, что его поднесла ей не театральная партия, а истинное состояние восторга. Оливье селом, и публика и артисты были в восторге: русская публика и русские выразили свою благодарности русской артистке — и она вышла, поняла чувства сво-

их спотечесвенников. Благодаря Богу, пришло время, что мы опомнились, наконец и восторжесен не только одними иностранцами, но отчаяны из справедливости, уделье воздать должное и родному.

N.

РАЗНЫЕ ИЗВЕСТИЯ.

Кроме спектаклей в Красносельском Театре, как я уже говорил, давались представления на Михайловском Театре. Не удивительно, что публики бывало немного: кому идти до театра? Нужно было отчаянным театралом, чтобы после многого летнего для запретил на несколько часов в театральном зале, в которой воздух от стеснения публики неизбежно удлинит. Несмотря однако на неблагоприятные для театра приемы, репертуар был довольно частью составлен весьма интересно, а самые представления принесли несоразмерно пользу молодым артистам и дебютанткам, немыслившим свои силы в разных ролях. Для начинающих артистов это самая лучшая школа: как во всех отраслях, так и здесь, теория не может обойтись без практического применения; для актера без сомнений лучшая школа — театральная практика и театральная заль, с его посетителями и неизбежными рукоплесканиями, вызовами и выражениями признаков неудовольствия. Играть между прочим, г-жи Борисова и Стрельская, дебюты коих были так удачны и о которых из Вестника было говорено своевременно, дались весьма часто в разных ролях, что дало им возможность испытать свои силы и выдержать с тем же достоинством более уверенности и сценического навыка: осмело будем иметь случай отменить последствия этих, если можно так выразиться, удивительных и непревзойденных сообщений читателям наших об успехах молодых артистов. Обществу (в особенности г-жа Борисова) обладают всеми данными, чтобы сделаться полезными, даже первоочередными артистками. — дай-то Бог. Главное условие: чтобы первая удача и успех не останавливали их на похвально-начатой пути, самоуверенности и излишней похвалы весьма часто губительны; говоря это, мы имеем в виду блистательные дебюты одной из наших молодых артисток, которой в сообразно сближению восторженных похвалы вскружили голову, но может быть и она образумится и посвятит себя горнично несуетному, а таланты и молодость чего не могут сделать?

На Каменноостровском Театре, Марта Люция, и божественное произведение русского художника Ишида Паря, привлекут многочисленную публику: в среду (24-го июля) назначен был русский спектакль, составленный из комедий: *Волшебная роза*, *Дело в шпиль*, *Каргунка* с пастуры и *Салтанат* (из стихов) Аксенова.

Скоро театральная жизнь законит новую жизнь: еще несколько недель и двери Большого Театра откроются для любителей оперы и балета, откроются и двери прочих театров. Я слышал, что Дирекция готовит нам много новостей, в свое время сообщу обо всем, о чем я

* Мы видели браслет, и действительно подорож этот составляет сомнение, что в браслете: широкая золотая цепь с алмазом, обремененная рубином, драгоценными камнями — странно и видеть в нем браслет.

тателям; пока несясь слухи об ангажементѣ некоторых итальянскихъ певцовъ, которые понимаютъ нашу отличную труппу. Такъ говорятъ, что крошкѣ несравненной пѣвицы Бозіо, въ послѣднее время она исполнила въ Лондонѣ роль Церриньи въ Фра-Диллюво съ огромными успѣхами; быстро подвигающейся впередъ отличной артистки г-жи Лотти, (приводящей въ восторгъ и въ восторгъ, въ Трудодуръ, — зрителей Рымни и готовящейся выступить въ Стане-лю), для постановки котораго пріѣхать туда самъ Верди) и г-жи Лаблангъ-де Мериси, ангажированной итальян: г-жа Бискайянти (пользующаяся за границею извѣстностію) и въѣздо г-жи Марей — г-жа Пой. Изъ мужскихъ соловьевъ, ожидающихъ поздравленій любимаго нашего Тимберника, ангажированы вновь баритоны Эверарди (любимый вѣнской публики) и теноры Манакшинъ. Обо всѣхъ этихъ артистахъ, по принятому мною плану, не стану распространяться преждевременно; отзывы иностранныхъ журналистовъ часто обманчивы; биографіи же артистовъ (въ особенности итальянскихъ) болѣе или менѣе похожи одна на другую, и по этому положу появленія ихъ на нашей сценѣ: мнѣ же публики и собственныя впечатлѣнія лучше всего изъясъ познакомиться съ ними; такъ терпѣніе, скоро ихъ услышимъ.

Заграничная гулянья назывались все болѣе и болѣе. Струсь гораздо дѣятельнѣе въ шибѣшемъ году, вѣдены его похитительныя и вообще любимыя музыкальныя произведенія исполнителей, подъ его управленіемъ, избраннымъ оркестромъ весьма старательно, добросовѣстно и съ особеннымъ увлеченіемъ, — за то и публики, принимавшая сначала прославленнаго кивальдистера, доволно по хвалю, вполнѣ; отбывшая его старанія и въ настоящее время причисляла его къ своимъ любимцамъ. Въ Виллѣ Боргезе, бенемеръ хора изыганъ (23 июля) составленъ былъ весьма интересно. Само собою разувѣдится, что хоръ исполнилъ любимыя пѣсни и по обыкновенію привелъ своихъ поклонниковъ въ восторгъ; пѣсни ихъ и хоромыя пѣсни исполнены жизни, увлеченія, въ особенности подъ управленіемъ Петра Соколова, достойнаго преемника своего брата Нильса. Г. Гунгъ тоже угостилъ насъ нѣсколькими новыми произведеніями, въ числѣ которыхъ весьма похвально выдѣлалъ Фарбахъ (Katharine Kitzinger-Gabbe). Пѣлующица устроена г-ль Вильмюль, хотя и незначительно, но съ большимъ вкусомъ; говорить, что съ будущей желѣи начнутся нескончимыя пѣлующица, для которыхъ принадлежності выписаны г-ль Парина. Фейерверки о русскаго хорова не дождались, но присуггугуице, какъ носится слухи, остаются, очень доволны. Вообще въ Виллѣ Боргезе злыѣта особенна, въ послѣднее время, дѣятельности, увлеченій и можно надѣяться, что Вилла займетъ почетное мѣсто въ числѣ загородныхъ гуляний. Хоръ *Аионскихъ пѣвицъ* вѣдываетъ съ пароходомъ, имѣющимъ пріѣхать изъ-за границы по вторникъ. Объ Иванѣ Ивановичѣ Издерѣ нечего говорить — это настоящій колдѣшникъ, ушлой прілежатель публики толпамъ; на Императорскихъ Волахъ негдѣ весело: дураки, хорошаго повода — Иванъ Ивановичъ всегда найдетъ грѣхъ развлечь публику и что тутъ удивительнаго, что она его похититъ, жалеть.

Получено извѣстіе изъ Гамбурга, что Антонъ Контесцал далъ тамъ, 13 июля, блистательный концертъ. Онъ исполнилъ Карниъ (Неройце), Соренду, Приглашеніе къ вальсу (Вебера), фантазію на мотивы изъ Трудодура, сжестно и фантазію на русскія пѣсни. Пѣлующица съимѣла похитить и восторгъ, произведя много на зрителей Гамбурга, но не могу умалить, объ обоготвѣстивъ, приглашеніи этому концерту особую торжественности, и сдѣлалисъ его пѣсней пѣлующица въ сердцѣ знаменитаго артиста. Ихъ Императорскіи Высочества, Великіе Князья, Государь, Настѣвникъ Николай Александровичъ, Александръ Александровичъ и Владиміръ Александровичъ удостоили концертъ своимъ пощеніемъ, неоднократно выписали артисту снѣгъ удовольствіе. Его Императорскіи Высочества Государь Настѣвникъ благоволили похитить артисту драгоценный перстень.

М. РАДВАЛОРТЪ

ЗАГРАНИЧНОЕ ТОРЖЕСТВО РУССКОЙ АРТИСТКИ НАДЕЖДЫ БОГДАНОВОЙ.

Многіе изъ русскихъ артистовъ ѣздили и ѣздитъ за границу, но многіе ли изъ нихъ познанами отъ насъ съ такою славою, съ такими знаменитостями именъ, какъ наша прелестная артистка, любимица петербургской публики, Н. К. Богданова? Теперь она сдѣлалась знаменитостію Богдановою; зная, этого мы нехотѣли, съ гонимъ пѣлующихъ критиковъ, которые только похитили пѣлующую и ушлой ангажировать его по всей подробности, что давно извѣстны всѣмъ и каждому. Да, она превосходно воспользовалась четырьмя мѣсяцами своего отъезда и упрочила за собою европейскую извѣстность, хотя и до этого презими Парикъ, Вѣна, Берлинъ, Виршава были отчасти знакомы съ ея талантомъ; по тогда этого талантъ еще развивался, не всѣ его стороны могли выказаться такъ блистательно, какъ теперь, когда она въ полномъ развитіи: силны, быстро и многосторонне развиты отъ въ послѣдній годъ, и наша злыѣта артистка не обладала этимъ никому другому, какъ только себѣ, своимъ талантомъ, своей внимательности, терпѣливости и любви къ искусству *). Мы полагаемъ, что теперь и для нашей страны критиковъ и судей она должна быть вполне европейскою знаменитостію. Вызвѣнчивъ петербургской публики постоянно наслаждалась искусствомъ г-жи Богдановой, негда высказывало ей искренній, неподдѣльный восторгъ, а что наша артистка такъ обоготвѣно произвела въ зрителяхъ ничѣмъ не предувѣдомленныхъ, пишущихъ только насмѣлки отъ ирераснаго. И неслѣдъ было думать этимъ, изощренными паризмъ рукописанный, этимъ безконечными вызовомъ: они были вполне заслуженные. Ганди

*) Пѣлующица Н. К. Богданова, похитивъ въ прошлагомъ Муд. и Г. пр. Вѣдѣ, можно познать такъ отъ насъ въ С. Петербургъ, въ числѣхъ изъ насъ въ Крѣпостникова, Радкова, Буркова, Давидова и въ Мостъ въ Вѣдѣ.

на искусство нашей национальной артистки, мы так сказать, осматривали глазами в ней сильный талант, как осматривают его и бесспорно есть талант, когда прочтешь наши билеты Фанни Эмслер. Мы только дивились, как находились такие набравники, которые не хотели в ней признавать всего того, что бы она выдала, но также совершенствую, и мы обильно по подобию изданию похвалили: во селам не без проща. Действительно, нам не раз приходилось слышать, как мы обильно изданием причину того страстного восторга, который произвела г-жа Богданова: это патриотизма, говорили они, патриотизм, возбужденный еще предан войною! не будь этого, не было бы и половины восторга. Отвечая на это было нечего, развѣ только похвалить, плечами, да покачать головой. Конечно, патриотизм—чувство весьма почтенное и было бы стыдно и даже недостойно упрекнуть русскую публику за его восторженное проявление; пусть въ насъ всегда действует патриотизм, и мы будемъ знать, человечѣше, достоинство, справедливо, лучше знаемъ когда нужно. Но дѣло въ томъ, что и патриотизмъ долженъ непременно руководствоваться разумными законами, къ которымъ относятся и законы искусства. Присланился посредственности, злоупотребляя, потому только, что оно свое, съ шарлоткой, имени, и ставить его на одну линію съ извѣстными знаменитостями—было бы несправедливо, конечно и даже сфизично, все равно что ставить выше всѣхъ панниковъ князя, потому что они панники русскіе. Положиться такой властью патриотизма, когда дѣло касается искусства, значитъ считать публику слишкомъ много, значитъ и въ артистѣ въ мѣстѣ признавать извѣстныхъ особенныхъ достоинствъ, да и въ самой такъ беспочвенный патриотизмъ восторги были бы конечно въ лѣтѣ. Но если она действительно высказываетъ талантъ замѣчательный въ нашей сценѣ, если это наконецъ поддается. Европа, которая при этомъ уже не могла увѣрять насъ нѣмцы патриотизма, то изъ всего этого можно сдѣлать лишь одно заключеніе, что у нашихъ строителей критики и судьи у самихъ недостатокъ того чувства изданию, какое требуется для оценки таланта, выходящаго изъ общаго уровня. Конечно, мы не должны, что въ нашей публикѣ не было чувства патриотизма при издании восторговъ: ей была оригиналь и всею издѣтъ русскую артистку съ талантомъ искусно-художественнымъ талантомъ, который еще прежде обратилъ на себя вниманіе набравной публики некоторыхъ европейскихъ столицъ и который имѣло можно было поставить на ряду съ извѣстными знаменитостями; да, ей было отменно поощрять всѣмъ силами отечественный талантъ; но зато патриотизмъ слишкомъ не могъ помѣшать оценѣ таланта: онъ слишкомъ не находилъ изъ артистовъ разности и возвысилъ публику; встрѣтить его было приятно артистамъ, какъ приятно каждому встрѣтить радостный приемъ въ родномъ семействѣ. Мнѣніе о возбужденный патриотизмъ руководило, какъ кажется, и некоторые изъ нашихъ журналистовъ: они какъ будто съ болѣею заволаки рѣши, о г-жѣ Богдановой, слишкомъ издѣтъ судили о ней и не высказали нѣсколько рѣшительнаго мнѣнія, точно хотѣли угодить и нашимъ и чужимъ; въ общій кризисъ, какія относятся къ

ней, они повторяли потомъ, говорили о другихъ, второстепенныхъ, съ которыми даже имѣть, никакой возможности и сравнивать нашу знаменитую артистку, выработавшую себѣ стиль и оригинальность. Хороши всѣ звѣзды на небѣ, всѣ принадлежатъ своимъ своимъ, играющимъ блестящею какъ между ними не отличать звѣзды первой величины?

Всѣ эти голки объ исключительномъ дѣствіи патриотизма, раздѣляя, не могли не доходить и до г-жи Богдановой, и она конечно начала думать, что патриотизмъ главный образъ былъ именно тѣмъ восторженными пріемами, какія дѣлала ей публика: истинный талантъ всегда скроменъ и недовѣрчивъ къ самому себѣ. Это не мѣшало ей трудиться, но въ то же время могло лишать ее той самой вѣрности, какъ необходима въ дѣлѣ искусства, особенно сценическаго. Чтобы вновь утѣряться въ самой себѣ, въ своихъ силахъ и въ своемъ личномъ успѣхѣхъ, ей нужно было стать передъ такою публикою, гдѣ не могло быть никакой рѣчи о патриотизмѣ, гдѣ только европейское образованіе и строгая справедливость будутъ произносить приговоры. Ей нужно было это, и она отправилась на европейскій судъ, можетъ быть съ чувствомъ робости, съ пѣвотворю недовѣрчивости къ самой себѣ и ужъ никакъ не ожидала всего того, что потомъ ее встрѣтило и утѣшило.

Въ соотвѣствіе съ своей матерью и братомъ, молодыми артистами Пикомъ и Богдановымъ, 26 февраля она отправилась Петербургъ и 5 марта появилась въ каретѣ на берегу Невы въ саду Варшавы, такъ какъ ночью было опасно переправляться черезъ рѣку. На другой день все образованное варшавское общество знало объ ея прибытіи, вспоминало о билетатахъ произволенныхъ ея дебютахъ, когда она танцевала здѣсь проѣздомъ изъ Парика въ Петербургъ. Съ особеннымъ почтеньемъ и съ восторгомъ встрѣтила польская столица нашу русскую артистку, ожидала отъ нея новыхъ насладеній, и по обычаю въ своихъ ожиданіяхъ. Дирекція Варшавскаго Театра, приняла общему желанію, сообщила заключить съ нею контрактъ на всема представленіяхъ. Съ перваго же объявленія себѣ любителямъ балета, чѣмъ которыхъ въ Варшавѣ значительное, стали осаждали театральную кассу, и она далеко не могла удовлетворить жару любви требующихъ. Каждое новое представленіе только болѣе раздѣляло публику и произвело въ ней какую-то страсть. Молодые рѣшались искусствомъ молодой артистки. Успѣные рисками очевидцевъ, газетные толки электризовали даже тѣхъ, которые обыкновенно хладнокровно смотрѣли на балетъ, и все устремилось къ театру, чтобы успѣть захватить хотя какой нибудь билетъ на объявленное представленіе; но не всѣмъ это удавалось. Г-жа Богданова танцевала балетъ: Жилель, Земеравду, Катарицу; вместе съ нею танцевалъ и братъ ея, весьма талантливый молодой человекъ, который также обратилъ на себя общее вниманіе зрителей и которого петербургскія публика однажды видѣла съ удовольствіемъ въ сценахъ изъ Жилель (въ балетѣхъ г-жи Богдановой). Здѣсь наша знала артистка вновь могла найти въ себѣ самодовлѣтельности, здѣсь уже не патриотизмъ проводилъ въ восторженное движеніе всю массу зрителей: всѣ эти громогласныя прихвѣстны вы-

рывались не из уст, но из возбужденных патристических; эти роскошные букеты и влики летели на сцену не из рук русских патристов; из изысканной публики повторялись рукоплескания своей грациозной гостье, все жители как бы сходились на одно удивленное лицо, сказавшее артистически: «как жаль, что в Европу вот нам не поехали, как жаль того, что готовитесь или как впереди». В последнее представление, после балета Демерлада, г-жа Богданова получила в подарок от публики драгоценный бриллиантовый серпант, что служило красноречивым доказательством, как полюбилась она Берлину. Не нужно говорить о восторгах тех криках и прощальных возгласах, о безмолвных вликах и букетах, которые сопровождали ее со сцены — такое восторженное состояние публики описать невозможно.

Съ приятным воспоминанием оставила г-жа Богданова Варшаву, чтобы продолжать свое артистическое путешествие. Вот, она явилась переди другого народа, который своим характером резко отличался от Польши и от русских, именно переди публики сосредоточенной, которая не увлекается безотчетно, у которой есть строгие критические понятия по всей ее точности. Берлин уже прежде платил г-же Богданову, когда она в прошедшем году танцевала здесь, продолжал, и потому встретил ее как старую знакомую: никто еще не забыл того впечатления, какое она год назад произвела на берлинскую публику; теперь она шла от нее еще большего и не обманувшись. В это время, на сцене Королевского театра танцевала англичанка на весь сезон. Танцовщица, племянница знаменитой танцовщицы того же имени: г-жу Богданову англичанка посылала на исландские представления Герольде берлинский театр, куда и привлекла она одним своим приемом большую публику Берлина. Здесь она танцевала *pas de deux* сцене, *pas des parillions* и *Cosmopolitana*, составленный из исландских характеристических национальных танцев разных народов. Этот последний, как кажется, особенно понравился Берлинцам, которые забросали русскую артистку букетами, или, как выразился один журнал, она танцевала *unter Beifallsalen und Kranzblaudenments*. Восторг публики отразился и в журналах, которые спешно высказали свои суждения о таланте г-жи Богдановой. Выбравшись из них, некоторые, чтобы дать понятие, как сумела жюри о нашей артистке.

«Нельзя ни одного трудного па, которого бы она не исполнила с привлекательною красотой, говорит один журнал: в каждом ее шаге, даже в благодарственном докладе выказываются та утонченная приятная кокетливость (*Raffinement der Kokerie*), которой позавидовала бы и Французка; здесь она должна убититься, что в этом Петербурге предпочесть самый Париж... Красивые позы со всеми ее частями, как у г-жи Богдановой, не может создать ни живописец, ни скульптор; здесь сама природа дает тип совершенства.»

«Г-жа Богданова — воплощенная грация, говорит другой газет; она развила целый ряд национальных образов, и вывела с собою и разнообразными оттенками каждого

характеристического типа, и сама доказательство своей многосторонности и того высоко-художественного разнотия, до которого она достигла. Уже в одном *pas de deux* сцене, так она впервые явилась со своим талантливым братом. Исконные Богдановы, выказали она всю прелесть своего артистического таланта: мы редко видели такую выразительную мишуру и такую грациозность при позаставности технических трудностях. Николай Богданов подражал свою сестру с силой и проворством, которых мы платили не высшей степени, что общается много в будущем. Впечатлительно действовала восприимчивая *Cosmopolitana*, из которой дружелюбно соединились пароды и мимика, и назло представили национальные их танцы со своим своим особенностями.»

«Посещение г-жи Богдановой было мимолетно, говорит третий журнал, *Thalia-Neblum*: но она оставила по себе неизгладимое впечатление в тех, которые имеют в искусстве более чистые и чистые формы. Г-жа Богданова обильно платила всеми дарями, которые пришла достигнуть своим любимым: она молода, прекрасна, весела, познательна и грациозна. Не владея страстными огнем. Немногие, она отличается чистотой воздушными, оживляющими и приятными танцами поощрять духом. Не можно бы было назвать танцами танцев: с такой легкостью владела она самыми трудными формами, гармонически соединила искусство и природу и не позволяла забыть ничего замечательного и приужденного. Но несколько она виртуозности ее воздушных па, также и удивительная благородная пластика, мимика, одушевления говорливости танца, как выказываются все танцевальная дивная лавка, безорочно прекращая положение, которые не вызываются с чувственностью несомненным кокетством, но возвышенности до характеристического выражения духовной стороны танца, как искусства, — все это привносит нас в совершенное удивление. Многие танцовщицы выказали форму, может быть, из разных степеней с г-жей Богдановой, но у нее форма не заслоняет содержания как у них. Для нее форма только грациозный покров и извещает содержание, всегда одушевленное, характеристическое и поэтическое, содержание, которое оживляет нас всеми мраморными тонкостями естественности, простоты и чистой чистоты.»

Эти восторженные фелетоны даже обратили на себя внимание некоторых газет, в других немецких городах: так Гамбургская газета между прочим замечает, что берлинская критика должна была поборить совершенно новую германологию, чтобы выразить словами свое восторженное удивление. В то же время г-жа Богданова получила через телеграф приглашение из Гамбурга. Искра в виду посещения еще некоторых столиц, она согласилась приехать в Гамбург только на самое короткое время; этим только было переделано это согласие, как от Гамбургской дирекции приехать агент и заключить условие с артисткой, сопровождать ее по железной дороге до самого Гамбурга. Г-жа Богданова оставила Берлин с общающим — оставившись здесь на обратном пути для исландских представлений. С этой минуты берлинские до-

изъ залеской Россіи, гдѣ она парона между сип-идами... Г-жа Богданова—одинстворенная грація! она танцуетъ—она счастливца; она танцуетъ и хотѣла бы сколько принужденности или утомленія: изнанный жестъ, изнеженъ взглядъ, шагъ *trépas*! Если бы захотѣла представить намъ *си-и-и-и-и*, рѣшительно было бы необходимо призвать Надежду Богданову. Полнѣ несл брать ея Николай, живой, стройный юноша, танцоръ, истинный танцоръ, выполнялъ также рукопашеканія. Они разнѣлись и нечего безъ крайностей и изысканностей...

А полтъ что писали корреспондентъ газеты *le Nord*. «По истинѣ, послѣ громадную успѣха г-жи Ристори, нужно было имѣть слишкомъ много грацій, прелесть и очарованій, чтобы вызвать такіе же рукопашеканія, каковы были наприжнена г-жа Ристори, послѣ которой черезъ нѣсколько минутъ танцовала на той же сценѣ г-жа Богданова. И въ этомъ трудномъ дѣлѣ она успѣла какъ нельзя лучше: ее засыпали цветами, ее вызывали, ей давали наистинный признание и послѣ укасаютъ. Мелен касиди посылалъ посылки, съ улыбкой и въ восторгѣ отъ таланта, который умѣла развить до пылкого совершенства прелестьная соперница вѣнскихъ Феррарисъ и Розанн. Такими образами, когда Италия вѣдала, какъ амодуритъ ея любимыя танцовщицы въ Большой Оперѣ, Итальянскій Театръ вѣдалъ Парижъ, привѣтствующій съ энтузіазмомъ русскую танцовщицу, которая смѣло соперничаетъ въ свѣтлѣніи со своими соперницами. Послѣ представлений въ чѣиѣ окружали русскую артистку парижскіе журналисты и нѣкоторые извѣстные писатели и пригласивали ее самымъ искреннимъ похваламъ. Жюль Жаненъ съ восторгомъ, какъ отецъ, обилѣлъ Ристори и Богданову, называя ихъ своими дѣтками. Эта минута была для нашей артистки торжественною, посреди европейскихъ знаменитостей, которые съ охотою признали такую же знаменитость и за нею. Справедливо: оныя: дѣлѣствовали и тутъ патриотизмъ? Конечно, тутъ и немъ, не могло быть и сомнения. Завѣсѣ, лучшие умы и возвышенные таланты признавали новый сильный талантъ, не по нѣмъ изысканно паролъ, а во имя справедливости и любви къ искусству.

Успѣха г-жи Богдановой былъ такъ великъ и шумовъ, что на другой день изъ театра Большой Оперы прислали приглашеніе участвовать въ спектаклѣ, который черезъ нѣсколько дней имѣлся въ помѣху бѣднѣхъ. Завѣсѣ представилась нашей артисткѣ новый случай блеснуть, передъ избранною парижскою публикою: но она не могла принять предложеніе: ей должно было сѣлѣннѣ въ Ганноверъ: покрѣпшеи мѣръ она пыдала, что дирекція Большой Оперы старается заглушить свое прежнее къ ней порасноиженіе, бывшее въ году нѣкоторыхъ ея соперницъ. Удовлетворившись этимъ и изладившись торжественно своего таланта, г-жа Богданова быстро перенеслась въ Ганноверъ, гдѣ публика ждала ее съ нетерпѣніемъ, читая и вѣнчаніе и французскіе отзывы объ ея искусствѣ. Какой восторгъ своими танцами произвела она въ этой столицѣ!—довольно сказать, что она была засыпана букетами и лаврами и вѣнчаніи, перелазившимъ дорогами кружевами, а въ истекъ блеснѣли золотые подарки. Въ первое представленіе изволила присутствовать Ея Императорское Высочество Александръ Лоп-

фовичъ: довольная успѣхами г-жи Богдановой, Великая Императрица позвала артистку къ себѣ въ ложу и выразила свое благоволеніе, подарила ей драгоценный подарокъ—брасль съ рубиновою и бриллианною, замѣтивъ при томъ, что она гордится ею, какъ русскою. Ганноверская газета съ восторгомъ описала все это: другія нѣмецкія газеты разнесли по всей Германіи, какъ потрясена русская артистка.

Такими образомъ переходилъ отъ торжественнаго торжеству, г-жа Богданова въ половинѣ июля снова явилась въ Берлинъ, гдѣ ей приготовили новый торжество. Завѣсѣ она танцовала между прочимъ еще собственнаго сочиненія *la vision*. Публика забросала всю сцену розаннами, и наконецъ, бромѣи, лавровый вѣнокъ, потребовала, чтобы имя уличили торжественную артистку. При громѣ престола, при обилѣхъ рукопашеканійхъ, на головѣ ея явилась лавровый вѣнокъ:—трудно описать, какою огово былъ въ публикѣ—такую честь оказывали только Жени-Амалѣ, Монгаръ и Фанни Эльлеръ. «Этой вечеръ, говоритъ въ одной газетѣ, былъ болѣе чѣмъ триумфъ для юной и блестящей артистки:—болѣе десяти разъ, она была вызвана: вѣнчана и вѣнчана, которые публика бросала къ ногамъ обожасмой сивѣнны, тѣмъ болѣе должны быть ей благодарны, что они сдѣлѣливаютъ объ искреннемъ сочувствіи и уваженіи, которые заслуживаетъ ея несравненный талантъ.»

По всему театру летали листки со стихами, написанными въ честь г-жи Богдановой на ея танецъ *une vision*. Вотъ эти стихи:

Gleich der Erleuchtung schöner Jugend Zeiten,
Mit jenem Reiz der Unschuld angefaßt,
Wie süße Wundung voller Seligkeiten,
Von Reiz und Liebe auf der Heister Bahn,
So sahst wir Dich, leicht wie auf Blumen schweben,
Und zauberhafte Bilder vor und neben!

Du schienst ein Lied vom Dichter und gelangen,
Ein Lied, das uns bis in die Seele klang—
Zünger reicher, blüht'über Fontäne entfpringen,
Ein sinniger, entzückender Sang—
So wendet Du Begeisterung und Entzücken,
Das deutsche Volkchen auch Dich müssen schmücken!

Denn auch der Deutsche lernte Dich verstehen,
Erlaute Dich als Wüste Deiner Kunst,
Und oftmals wird er Dich im Geiste sehen,
—Wenn Dich umstrahlt der Heimald Licht' und Glanz!—
Als Licht-Geist, leicht wie auf Blumen schweben,
Und zauberhafte Bilder vor ihm weben.—

Нѣмецкіе артисты согласились съ особеннымъ пыхомъ проводить русскую артистку. Пока она была на сценѣ, они украсили ея уборную нѣсколькими гирляндами и вѣнчаніи: точно въ волнообразномъ саду, озарялась она лѣсѣ, въ помѣху умоиенъ сивѣи. Но и это еще не все: юная артистка, успокоивъ немного свое волненіе, хотѣла позвать ея дозой, сѣлѣннѣ къ своей каретѣ,—нопаи иожиданности! вся карета, лошади, збура, увѣнчаны гирляндами: съ торжественно посадили разогнанную артистку въ экипажъ, съ

торжественно, проводили ее до дому; стояли перед ней полный театральный оркестр с желанием дать ей серенаду; но и без того уже парализованная и усталая, г-жа Богданова отказалась от этой новой чести и благодаря артистов, объявила их, как угодно, пришедшим, и, представившись им, их подала: с пылу пылу, с радости разошлись, они до дождя.

Симпатичности требует сказать, что наша милая артистка была случай выдана из Берлина и свое доброе сердце. Ей представили одного престарелого издателя, известного семейством, которое было с большим трудом могь сохранили сплывающиеся издательские. Г-жа Богданова дала им его новую спешность, при особом сочувствии публики. Шла скромность юная сердца, не будучи распространяться об этом, благодарным поступком. Издатель только, чтобы каждый среди торжества думать и о бедности, — скромная бедность и благосклонность. Бедная также пришедшая была в восторг.

Берлинские газеты не только не истощились в познаниях, но напротив, при первом появлении г-жи Богдановой, стали еще поосторожнее. Казалось, что, боясь нематериальной критики в ее искусство, были более осторожны к ней, достоинству и тактике, чтобы не обидеть его. Они не жалели места в своих журналах, они не боялись своим мнением причинить кому-нибудь неудобство; но прямо смотрели на дело, прямо и свободно высказывались, переложив всю публику, оттого слова их, много и для нас; мы знаем, что они сказали все, что могли и хотели. Свободно и бесстрашно тут, не было ничего, ни в их угоду...

Г-жа Богданова, пишет одна газета, явилась как блестящая феерия, а впрочем, его направляет, и как в своем черном незначительном, заставляя многих своих соперников. Не только ее совершенная техника, но только ее врожденная грация, но и удивительная, в высшей степени выразительная пластика в движениях, характеристичность представлений, отличают ее от многих трудившихся на одном с нею поприще и свидетельствуют об истинной гениальности...»

«Танцы ее, говорит другой критик, при совершенной технике, оживленные драматическою жизнью, представляют грациозную поэзию без слов», классическую пластику, выразительную, в мимических, поэтических положениях. Так, в *pas de deux scénique*, г-жа Богданова показала свой мимический талант, умевший соединить самые легкие очертания с выражением ее собственного лица, которое красноречиво представляет все внутреннее ощущение души...»

Далее он замечает, что наша артистка прекрасно умеет соединить танцы с высочайшим драматическим искусством, и является грациозной танцовщицей, а в то время является и искусною актрисой. От такого соединения, по словам его, театральное искусство выигрывает несказанно много и самые танцы, как искусство, получают больший объем, когда они выражают все внутреннее движение души.

Наконец позволим себе извлечь несколько строк из длинного разсуждения берлинского корреспондента журнала *le Nord*: «Талант г-жи Богдановой едва ли можно сравнивать с талантами ее предшественницами, Карлоты Гриси, Фанни Эльслер, Марии Тальони. Если вы спросите меня, какой из них принадлежит эта юная и очаровательная танцовщица, то я развешу, что она имеет счастливую награду не принадлежать ни к какой, или лучше она усвоила себе от всех их все, что у них было замечательного. Она владеет гримой Марии Тальони, а также поэзией Карлоты Гриси, примечен, Фанни Эльслер. У нее не зачато ни малейших усилий, быть искусно замаскированными прелестной и искусственности, — это, в полном смысле, идеал, талант, это величие и красота и невинность, все наивность, все очарование, все упоение юности при возмужавшем таланте. При ее появлении в *pas des roses*, где она танцовала с своим братом, по несому залу пробегала какой-то общий восторг, от неожиданности и удивления, который быстро перешел в взрыв всеобщих рукоплесканий. Никогда еще больше естественности, не соединенной с большим прелестью и изощренностью. Получив свои прекрасные глаза, во внимание она сама, прелесть очаровательная, что в земле не оставила ни малейшего следа от ее легких позеж. И что для нас неодолимое увлечение тогда? Она защищает и удерживает все, что составляет жизнь, не восторг, солону, любви. Она танцует, потому что танцы единственная отрада ее души... Никогда Богданова не подает блестящих надежд на будущее, которые она конечно и осуществить, ишла перед глазами в своей смерти: такой совершенный образец...»

Вот эти отзывы ясно показывают, до какой восторженности довела наша артистка берлинскую публику. Талант ее особенно полюбил Ничман, и совершенно пришел к сердцу. Язык ее слышался почти общепонятным в Берлине. Слово *à la Bogdanoff* вошло в моду и прилагалось ко многим продолженным пометкам. В театрах, концертных и виллах, особенно *à la Cosmopolitana*, в честь «Петербургской симфонии», а публике предлагалась угощать из своей жизни, возбуждаемый искусством г-жи Богдановой...»

Несмотря на общее желание и просьбы публики, чтобы г-жа Богданова пролила свое пребывание в Берлине, она должна была съехать в Петербург: срок ее отпуска означен. Таким образом, обязана несколько его, она везла возбуждала восторг, везла делалась любимницею публики, не могла выйти из своего привычного танца. Она оставила Германию с многозначительным этикетом *laureata* и... что особенно удивительно, с запасом немецких денег... Считается: когда Русские поз-

*) Вот одно забавное объяснение:

«Eine neue Art des Geförten ist jetzt in unsern Konbieten an der Tagesordnung: «à la Cosmopolitana». Er führt diesen Namen zu Ehren der anstehenden St. Petersburg Symphonie. Adelfrida Bogdanoff, die bekanntlich in diesem nationalen Tanz-Veturi so Angezeigtes liefert und den Entfaltung des Publikum auf eine blühende hinauf treibt, die in dem Geförten eine angenehme Führung führt.

вращались въ свое отечество съ именитыми деньгами? Мы привыкли видѣть и слышать совершенно наоборотъ! Нельзя не пожелать, чтобы съ легкой руки нашей милой артистки такіе примѣры перестали быть рѣдкими.

Горьжество г-жи Богдановой продолжалось даже на пароходѣ, на которомъ она возвращалась въ Россію. Она была окружена многими свидѣтелями ея успѣховъ въ Германіи и въ Парижѣ; но они наперерывъ старались ей показать тоги почести, который заслуживающа ея прославленный талантъ. Многіе изъ пассажировъ, лично довольно значительное во французской службѣ, даже написали въ честь русской артистки довольно широкій экспониртъ, который мы и приводимъ здѣсь.

Un jour je rêvais qu'à Cythère
Le dieu du goût donnait un thêr;
Il voulait fêter l'art de plaire,
Qu'il chérît plus que la beauté.
Il dit: ceux qui voudront des places
Monteront pour entrer chez moi
Ils ont, de l'esprit et des grâces,
Le séduisant je ne sais quoi.
N'osant pénétrer dans le temple,
A la porte je chuchote un coin,
Et l'amateur là je contemple
Toutes les nymphes avec soin.
Jolis minois, tailles divines
Que d'aimables choses je vois!
Des pieds mignons, des jambes fines
Et l'aimable je ne sais quoi!
Bogdanoff arrive en cadence,
Aussi légère que le vent.
Bondit, éponge, valse, danse,
Le dieu lui dit: objet charmant,
Ce ne sont pas vos piroquettes,
Qui vous feront entrer chez moi,
Ce sont vos grâces si parfaites,
Voici aimable je ne sais quoi.
A bord de l'Aigle de Prusse sur la Ballique.

Этотъ вы окончимъ наше обзоріе, въ которомъ мы старались не пропустить ничего, что имѣло какой нибудь интересъ для насъ, Русскихъ. Намъ известно это горьжество русской артистки среди образованныхъ народовъ: мы еще не привыкли слышать, русскія имена, звучащая за границею наравнѣ съ другими извѣстными именами. Итальянцу, испанцу, нѣтъ большого интереса слышать за своими артистками, разселенными по всей Европѣ—для чего это дѣло очень обыкновенное, мы же широтнѣ дѣтски радуемся всякому значительному успѣху русскаго таланта между образованными племенами, и будемъ радоваться долго, пока русскіе таланты непріучатъ насъ, какъ къ дѣлу обыкновенному, слышать объ ихъ торжествахъ за границею. Дай Богъ намъ възять такой же славы, какою въ настоящее время пользуется г-жа Богданова! Будемъ ждати, и надѣяться, а между тѣмъ будемъ дорожить и тою артисткою, которая подаетъ теперь прекрасный примѣръ другимъ; будемъ учиться ея таланту и ждати отъ нея новыхъ надѣждъ, а патриотизмъ пусть поможетъ а не помѣшаетъ намъ видѣть въ ней высокія художественныя достоинства.

ИНОСТРАННЫЙ ВѢСТНИКЪ.

На сценѣ парижской Большой Оперы явился наконецъ давно возвѣщенный, возобновленный балетъ *Orfée*. Исландская легенда послужила основой этой хореографической драмы, героиней которой, въ прежнія времена, была Церито, а теперь мѣсто ея заняла Феррарьсь. Роль *Orfée* не требуетъ зымышей игры и совершенно въ характерѣ граціозной танцовщицы, исполнителей ее преносило. Музыка къ балету написана Адамомъ и очень ослздена. Ожидаютъ возвращенія Роже изъ Германіи. Знаменитый теноръ явился въ Парижской Оперѣ въ *Пророкъ*; партію *Фидеса* занимаетъ г-жа Боръи-Мамо. Козмическая Оперя продолжалась съ успѣхомъ давая въ *Moniqueires de la Reine*; молодые дебютанты, о которыхъ мы говорили въ прошлѣмъ номерѣ, съ каждаымъ разомъ пробѣждаютъ благосклонность публики, особенно теноръ Школа, голосъ котораго необыкновенно звученъ и пріятенъ. *La Fête du village voisin*, *Boeldieu*, *le Mariage extravagant* и *l'Ambassadeur* также имѣли успѣхъ. Возобновляютъ оперу *Гидо* для дебютовъ воспитанника парижской Консерваторіи, баритона Гіуза. На Французскомъ Театрѣ назначено первое представленіе возобновленной трагедіи г. Потру: *Венгелавъ*. Эта пьеса была дана въ первый разъ въ 1647 году и имѣла блестящій успѣхъ; звучные стихи, сильныя, хотя немногія нападеныя тирани, въ то время привлекли къ восторгу. Въ главной роли *Венгелавъ* игралъ постепенно въ знаменитые трагикъ: Лекезъ, Талма и др. но теперь слогъ трагедіи слишкомъ устарѣлъ, и артисты отыкали отъ длинныхъ классическихъ тирадъ. *Гутманъ Франсуа* возобновилъ драму: *Кларетъ Горювъ*. Г-жа Роза Шеръ, восхитительно передававшая поэтическую личность героини Ричардсона, уступила эту роль молодой артисткѣ г-жѣ Викторин, которая была гораздо слабѣе своей талантливой предшественницы; то же самое можно сказать о г. Дьедоше, занимавшемъ роль *Дон-Медъ*; онъ далеко уступаетъ Бресану, какъ бы созданному для этой роли. *Les Bourgeois de Gandshommes*, благодаря прекрасной игрѣ актеровъ, продолжаютъ бороться съ немногочисленными жарыми, отяжелевшими рубику отъ смѣхачей, а потому на парижскихъ театрахъ почти ничего нѣтъ новаго,—только въ Императорскомъ Царскѣ представляена недавно бывшая копия пьесы—напоминаніе съ танцами и куплетами, подъ названіемъ: *Les Chansons populaires de la France*. Пьеса не переводилась въ Франціи: во времена страшныхъ бѣдъ той войны, исходя на знаменитыя Французы всегда и будутъ пѣть. Авторы придумали очень оригинально, представлявъ въ дѣйствіи народныя пѣсни, которая всегда найдутъ живой отголосокъ въ сердцахъ Французовъ. Знаменитая французская актриса Дездема, танцуетъ которой, посмотрѣла на дѣта, все еще увлекательна, играть теперь въ Марселіи и производить фуроръ; трудно достать билетъ, когда на сценѣ стоитъ ея имя. Дездема исполняетъ дѣтскіе роли своего репертуара, въ которыхъ достигла популярности, подобно Берамъ: въ водевильхъ *la Comtesse du tanneau*, *les Premières armes de Richelieu*, *le Marquis de Luchin*, *Gentil Bernard* и др.

Итальянская опера въ Вѣнѣ плетъ весьма успешно: *Гугеноты*, *Иссонда*, *Робертъ Фиделио*, *Фрейшицъ* составляютъ главный репертуаръ. Въ *Робертѣ* пѣлъ въ первый разъ молодой теноръ г. Мейеръ; у него свѣтлый голосъ, хорошіи вокализации, много огня и чувства въ исполненіи. Разучиваютъ оперу *Оберъ*, *Кроншванъ Коно*, и *Смеральдинъ Вечеринъ*, которыя будутъ даны въ первый разъ въ день рожденія Императора Австрійскаго. Искоче Гунгалъ далъ недавно на подлѣ большой музыкальный праздникъ и исполнилъ много новыхъ оперъ, изъ которыхъ замѣчательнѣйшія: *Балабине* изъ оперы *Монте-Кристо*, мирно своего сочиненія: *Gnss an mein Vaterland* и новый вальсъ, произвождающій большой эффектъ: *die Hydranten*.

Теноръ сообщая печальное извѣстіе. Наскоръ пѣвчихъ пианистовъ и композиторовъ, Карлъ Черинъ, умеръ недавно въ Вѣнѣ. Онъ былъ необходимо дѣятельнъ и разнообразенъ въ своихъ сочиненіяхъ, которые въ числѣ 2882-хъ различны по всему музыкальному міру; сверхъ того, нѣсколько сотъ пѣсъ еще не издали. Черинъ пользовался громадною известностью; нѣтъ никого подобнаго маэстро, въ которомъ бы не цѣлѣе соотношение Черинъ, не только у насъ въ италіи и въ германіи, которыя сдѣлались необходимою всѣхъ обучающихся на фортепиано.

Шинца Аннезъ, де Фортунъ поетъ въ Висбаденѣ и возбудилъ большой восторгъ. Тамъ же на время приглашена балетная труппа изъ Лармитага, подлѣ управленіемъ Гоммана.

Женна Анцль, въ замужествѣ Гольшицъ, проводить то въ своемъ помѣщеніи близъ Дрездена; семейство ея недавно увеличилось дочерью, голосъ же знаменитой пѣвицы сталъ еще лучше ии утѣрпѣлъ таинственныхъ знатоковъ; кажется она собирается снова посѣтить до отъѣзда въ Америку. Вытанъ также собирается въ Америку; говорить, что онъ отказался отъ предложенія Султана управлять Консерваторіей въ Константинополѣ.

Гиринъ Вильгельмъ далъ нѣсколько концертовъ въ Познань; но нужно прибавить, что молодой виртуозъ, прославившійся во всей Европѣ, былъ принятъ зѣлѣ съ энтузіазмомъ. Также по малю успѣхъ имѣлъ музыкальный вечеръ молодого 14-ти лѣтняго пианиста Александра Богучаго, обладателя несомнѣнныхъ талантовъ и принадлежащаго къ хорошей школѣ.

Пианистъ Леопольдъ Мейеръ собралъ обильную дань рукописанныхъ въ Бухарестѣ, а затѣмъ отправился въ Нессъ.

Въ Лондонѣ, на Театрѣ Ея Величества, въ безвѣсѣ Никколомини, даны: 2-е дѣйствіе *Дочери Волка* и послѣдніе акты *Трубадура* и *Тристанъ*. Кромѣ того, безвѣспѣнтка чѣлка съ теноромъ Джулини дуэты изъ оперы *Донжиготъ*, *Les Maitres*, и произвела шумъ. Ей бросили множество букетовъ, и послѣдніи поларокъ. На театрѣ *Идеаль*, *Фра-Диабло* продолжаетъ привлекать многочисленную публику; въ 2-й актѣ, г-жа Бодіо, замѣчательная роль *Перлима*, поетъ вслѣдствію зрѣно изъ оперы: *Кланта*, возбуждающую каждый разъ варіи, рукописанныхъ. Французская пѣ-

вопа г-жа Юганда имѣетъ большой успѣхъ въ Лондонѣ; жда въ ея концертъ была совершенно полна, пѣвицы много анудировали; такого же пріема удостоилась она и въ концертѣ, даваемомъ благотворительными обществами французской колоніи въ ползу немилыхъ соотечественниковъ, подлѣ председательствомъ графа Вилевского. Рубинштейнъ непремѣнно поминаетъ лауры наравнѣ съ пианисткой Арабеллой Годларъ; извѣстно, что въ Лондонѣ образовались дѣлѣ партіи прѣвѣрженцевъ обихъ, виртуозовъ; но песмострѣ на прекрасныхъ гласахъ миссъ Годларъ, Рубинштейнъ имѣетъ много живыхъ поклонниковъ своего замѣчательнаго таланта, Ристори также не можетъ познакомиться на холотности Англичанъ. Безпрестанно пѣвоны, рукописавшія, буквы шедро расточаетъ фемионебелнымъ деидо и даже дорожѣ оныхъ: такъ въ ономъ изъ представлений трагедіи *Камы*, публика поимела Ристори жемчужное ожерелье съ бриллиантовыми фермуары. Прекрасная артистка рѣшительно неутомима, играетъ очень часто, иногда два раза въ вечеръ, въ лучшихъ роляхъ своего репертуара; изъ новыхъ она исполнила *Леди Монбейнъ* въ трагедіи того же названія, и *Джизьянъ* въ мелодрамѣ актора Мильмана, *Фазіо*, переведенной на итальянскій языкъ молодымъ поэтомъ Дачи-Онгаро. Итальянскія оперы Театра Ея Величества, по окончаніи опернаго сезона, пойдутъ въ провинціи Англіи и дадутъ въ каждой нѣсколько представлений. Въ составъ ихъ репертуара войдутъ: *Дон-Игуанъ*, *Сладкая Фанаро*, *Трубадура*, *Тристанъ*, *Донъ-Пискуале* и *Дочь Волка*.

Знаменитый пѣвецъ Лаблашъ скончался скоропостижно въ Парижѣ. Великій артистъ и въсѣтъ съ гмы, замѣчательный челоувѣкъ оставилъ послѣ себя неизгладимую память во всей Европѣ, которую онъ посѣщалъ столько лѣтъ. Мы постараемся сообщить подробную его біографію.

МИКЕЛЬ АНЖЕЛО.

(Соч. Александра Дюма).

VII.

Евдо Микель Анжело окончилъ картину *Сиринишо Суды*, какъ Павелъ III, тѣснѣніе котораго увеличилось по зѣрѣ саванъ Микеля, захотѣлъ, подобно Сиксту IV, имѣть свою Канеллу. Онъ велѣлъ постронть ее архитектору Антонио Сомъ-Галло, а Буонаротти заставлялъ разисовывать, представлявъ, имѣяда изъ жизни двостоятъ, преимущественно св. Павла, его соизнѣнны.

Часовню назвали *Павловою*; Микель Анжело, поимуюсь прикваліио папы, парисовалъ дѣтъ картины, которыя одизны по достоинству имже вресокъ часовни Сикста. Картины изображали: *Распикіе св. Петра* и *Обращеніе св. Павла*, и были послѣдними произведеніями живописи Буонаротти.

Мы уже говорили о презрѣніи и антипатіи художника къ живописи масланными красками. Микель парисовалъ для Альфонсо, герцога Феррарскаго, картину, изображающую Яв-

ду. Когдадумали укрѣплять Феррару, Буонаротти были посланы въ этотъ городъ, чтобы изучить его укрѣпленія. Альфонсъ принялъ художника очень благосклонно, показалъ ему работы и долго бесѣдовалъ объ укрѣпленіяхъ, контресскарпахъ, военной тактикѣ. Прощаясь, герцогъ сказалъ Буонаротти:

— Вы мой другъ, мессиръ Анжелио; съ моей стороны будетъ очень неразумительно отпустить васъ, не взявъ обѣщанія сдѣлать для меня статую или картину, все равно; и хочу, чтобы при моемъ дворѣ было произведеніе Микеланжелио. Только въ этомъ условіи и возвращу вамъ свободу.

Микель обѣщалъ, но когда одинъ изъ адъютантовъ герцога пришелъ неслучайно напомнить обѣщаніе, художникъ, выведенный изъ терпѣнія его глупостію, не хотѣлъ отдавать картины.

Посланный герцога, плохой знатокъ въ живописи, сказалъ, увидя Лету: «Какъ, эта картина? и притомъ прибавилъ про себя: Стоило мнѣ беззастѣнчиво, изъ-за такой бездѣлушки!»

— Пожалуйста узнать ваше званіе? строго спросилъ Микель.

— Я куонецъ! отвѣчалъ придворный, желая состричь и шпатель уколоть Флорентинцевъ, знаменитыхъ своимъ торгашествомъ.

— Вы худо ведете дѣла своего шатрова; можете идти къ нему, познакомить Буонаротти.

Потомъ, обратясь къ вѣному пѣзъ мальчиковъ, прислушивавшихъ къ мистеріи, онъ изрекъ Антонио Минни, прибавилъ смягченнымъ голосомъ:

— Любимый Антонио, ты небогатъ, у тебя дѣтъ сестры неукротимы; возьми мою картину и продай за сколько хочешь!

Картина была куплена Францискомъ I, объ ней болше ничего не слышали.

Другія картины, которыя приписываютъ Буонаротти, были считы съ его рисунковъ Даніиломъ Волатерромъ и Севастіаномъ дель Пюмбо.

Въ томъ числѣ находятся: *Сонъ Младенца Иисуса, Моисей въ Вертоградѣ, Реснитыя, въ Колоннѣ; Бибаканіе, въ Неаполѣ; Иисусъ передъ народомъ, въ Ватербѣ.*

Рассмотримъ Микеланжелио въ трехъ видахъ его гения. Дѣлать его составляли три сплотившиеся круга — эмблема тройственного вѣлика, которое потомство поднесло великому художнику.

По части архитектуры Микель Анжелио оставилъ Ризинду и Биббиону св. Лаврентію, дворецъ Фарнезе, церковь св. Иоанна Флорентинцевъ, Капитолію и удивительный куполъ св. Петра въ Римѣ.

Антоній Санъ-Галло умеръ, Рафаель и Браманте также сошли въ могилу. Микеланжелио было 72 года; послѣ столькихъ трудовъ и успѣховъ онъ имѣлъ полное право протѣсти послѣдніе дни своей жизни въ тихой спокойствіи, но Павелъ III увидѣвъ его измененіе всего святаго управленія работами собора св. Петра. За нѣсколько дней до смерти Санъ-Галло, положено было укрѣпить одинъ рим-

скій кварталъ, называемый *Барро*. Павелъ III хотѣлъ составить родъ конкурса, и собравъ нѣсколько знаменитыхъ представителей разныхъ родовъ искусства, узнать охъ и нѣхъ Санъ-Галло, въ качествѣ перлаго архитектора и любимца папы, имѣлъ первый голосъ. Онъ представилъ свой планъ укрѣпленія съ удивительною и величавою смѣлою, не допуская ни малѣйшихъ возраженій.

Прочіе члены собранія приняли сторону архитектора: Микеланжелио, вопрошаемый въ свои очерки, сперва не хотѣлъ отвѣчать, но потомъ, по причесанію иппа, высказалъ мнѣніе совершенно противное доводамъ Санъ-Галло.

Взбѣшенный архитекторъ отвѣчалъ съ гордостью и печалью и дерзостью шварцита:

— Вы совершенно несправедливы въ подобіяхъ дѣлахъ, мессиръ; ваше занятіе — статуи и картины, вы не болѣе какъ купецъ и живописецъ!

— Напротивъ, гордо возразилъ Микель Анжелио, въ этихъ искусствахъ я очень неопытенъ, но по части укрѣпленій знаю болше чѣмъ вы и ваши приверженцы.

Планъ Микеланжелио былъ принятъ: съ этого дня папа называлъ его въ рѣчь архитекторомъ св. Петра.

Петрѣмъ величайшаго памятника, который люди когда либо воздвигали на землѣ, могла бы гостиница, отдѣльный тотъ.

Первый камень къ сооруженію положенъ Константиномъ въ 324 году. Гонорій велѣлъ помѣстить дѣлныя казанія изъ чистаго серебра въ 626 г. а въ 846 году Сарацины увезли ихъ. Вироломѣніи XIII и XIV-го столѣтій многие папы поправляли древнюю базилику. Николай V вздумалъ перестроить соборъ св. Петра по плану Леона-Батиста Альберти, но только-что началъ работу, папа умеръ и все осталось попрежнему.

Наконецъ 18-го апрѣля 1506 г. Юлій II, которому тогда было 73 года, положилъ первый камень новаго зданія. Браманте, Рафаель, Юлій Санъ-Галло, Фра-Йокоццъ изъ Вероны постепенно одинъ за другимъ продолжали постройку. Огромныя суммы поглощены на это грандиозное предпріятіе, которое, подобно Вавилонской башнѣ, казалось нескончаемымъ.

Когда Павелъ III приближусь къ высокой честиности Буонаротти, какъ къ послѣднему лучу надежды, сооруженіе собора сдѣлалось какою-то постыднымъ торгомъ, гнуснымъ мотовствомъ. 150 лѣтъ работы и два миліона денегъ еще не были достаточно для такого безчисленнаго знаменства колоколенъ, куполовъ, стѣлъ, колонн, портиковъ, аркалъ, всевозможныхъ украшеній, которыя жадность архитекторовъ все болѣе распространяла.

Микель Анжелио старался отклонить отъ себя сколько могъ это тягостное для его лѣтъ званіе. «Богъ свѣдѣтель, писалъ онъ къ Вазари, что я противъ воли и почти насильно долженъ быть посвященъ къ работамъ собора св. Петра!» Въ письмѣ къ Аппиаши онъ говорилъ о своей модели: «Если модель моя одержитъ верхъ, я много потеряю; прошу васъ передать мои слова папѣ, самъ я очень не здоровъ!»

Несмотря на отказы, онъ долженъ былъ наконецъ со-

гласиться и приказать подать модель своего предпоставленного. Ученники и приперкипы Санъ-Галло, предчувствуя, что внимательство Микелы поминаетъ ихъ жалопому грабену, представляя ему планъ своего учителя, вскричали съ гонимостью:

— Это дугъ, на которомъ всегда найдется что спосести!

— Вы говорите совершенно правду, отвѣчалъ Микель Анжелю, этому прокрасному ризнику недостаетъ только единства.

Въ дѣлѣ подѣли онъ сдѣлалъ свою модель въ видѣ рельефа, она стоила всего 25 эку. Модель Санъ Галло стоила въ 4 года и обоилась въ 5,184 эку.

На другой день послѣ того какъ новый планъ Микелы былъ принятъ, папа назначилъ его архитекторомъ и главнымъ директоромъ построекъ собора св. Петра.

Буонаротти потребовалъ только одного условія и остался на этотъ счетъ непоколебимъ: исполнить эту должность безъ платы. Онъ хотѣлъ дать признать другимъ.

Мрачный старикъ, упомощенный напою, явился въ строящийся соборъ, уничтожить работу Санъ Галло и безъ великой жалости выгнать поспѣвшую шайку мезеланъ и грабителей.

Новое званіе стало подыматься, какъ бы по мановенію волшебства по плану греческаго зодчества. Въ три года Микель Анжелю устроилъ среднюю часть церкви, окончивъ дѣлѣ большія лестницы, ведущія въвышнюю сводовъ, укрѣпилъ арки, увеличилъ число столовъ. Званіе заодно увеличивалось. Великій художникъ въѣмъ силами старался отдалить отъ работъ людей завистливыхъ и корысоголюбивыхъ, поощрялъ похвалы ему. Наконецъ Павелъ III перель смертию, въ 1549 году, съ радостію увидѣлъ, что почти половина огромной базилики уже готова.

Подражаніе коринфской работѣ преобладало въ постройкѣ. Украшенія сподовъ, стѣнъ и оконъ были окончены, наконецъ начали подыматься снаружи фундаменты удивительнаго купола, насъ plus alta человѣческаго искусства.

Виродженіи 17-ти лѣтъ, Микель Анжелю, несмотря на переѣзды палъ, клеветы и злобу спонсрѣ многочисленныхъ враговъ, продолжалъ работать съ безкорыстною дѣятельностью надъ великимъ званіемъ, окончаніе котораго считалъ своимъ священнымъ долгомъ.

Въ одно изъ его писемъ, на блестящія предложенія Толемаскаго герцога, призывающаго его въ своему двору, художникъ пишетъ между прочимъ: «Прощу его свѣтлости позволить мнѣ остаться при постройкѣ собора св. Петра до тѣхъ поръ, пока ему уже неслие будетъ прилатъ другой видъ. Если я останю его ранѣе, то буду причиною большаго раззоренія, стѣла и великаго грѣха!» Цель Микелы была достигнута. Послѣ его смерти необозримый сводъ былъ оконченъ по его модели художникомъ Джакомо дѣла Порта и Алессандро Фонтана. Послѣдняя воля великаго Буонаротти была такъ свято чтима, что папа Пій IV отрималъ отъ церкви иконого Пророка Анторіо за то, что тотъ познакомилъ себя не исполнить въ точности планъ Микелы Анжелю.

Итакъ соборъ св. Петра обзавъ своимъ существованіемъ

Буонаротти, и хотя иностранству на немъ поставили латинскій крестъ, геніи Микелы видѣть въ мѣлѣйшей подробности этого званія. Вотъ настоящая гробница для его великой души, если она когда побудъ поспѣтъ землю; вотъ единственный памятникъ, достойный великаго художника!

(Продолженіе въпрѣ).

ДЕНЕЖНЫЙ ВОПРОСЪ (LA QUESTION D'ARGENT),

комедія въ пяти дѣйствіяхъ,

сочиненіе

А. ДЮМА (сына).

ДѢЙСТВІЕ 4-е.

(Гостиница въ домѣ графини Савелли).

ЯВЛЕНІЕ I.

ГРАФИНЯ, Г.ЖА ДЮРЬЕ, МАТІЛЬДА и ДЮРЬЕ.

Г-ЖА ДЮРЬЕ. Какъ вы мнѣ графиня, что точасъ же увидѣли насъ о своемъ приѣздѣ! Хорошо ли вы путешествовали?

ГРАФИНЯ. Прекрасно; а вы какъ провели время, любезный г. Дюрье; палъ, были здоровы?

ДЮРЬЕ. У меня жалѣзно здоровье!

ГРАФИНЯ. Сколько пережить случилось въ мое отсутствіе.

Г-ЖА ДЮРЬЕ. И счастливыхъ пережить, славу Богу!

ДЮРЬЕ. Елема де Ронкуръ дѣлаетъ отличную партію.

Г-ЖА ДЮРЬЕ. Вы привезли счастье отцу и дочеру, графиня!

ГРАФИНЯ. Отвѣтъ прескромный! Человѣкъ, онъ привелъ въ порядокъ моп дѣла съ рѣдкою честностью и умѣньемъ.

ДЮРЬЕ. Есть люди, которые умѣютъ хорошо вести только чужія дѣла, а пашка въ свои.

ГРАФИНЯ. А куда дѣвался г. де Шарзѣ?

Г-ЖА ДЮРЬЕ. Мы давно о немъ ничего не слыхали.

МАТІЛЬДА. Онъ уѣхалъ изъ Паризка дѣвъ уѣхалъ тому палъ.

ДЮРЬЕ. А ты почему знаешь?

МАТІЛЬДА. Мнѣ сказать г. де Кайозъ.

ГРАФИНЯ. Куда же уѣхалъ Рене?

МАТІЛЬДА. Въ Солонь. Г. де Кайозъ поручилъ ему сойтись съ душой или тремя клѣтѣщими земель и хорошенько разсмотрѣть, какой способъ оладотворенія почвы удобнѣе и окупомнѣе.

ДЮРЬЕ (съ удивленіемъ). Что такое? Что?

МАТІЛЬДА. Вы знаете, паша, земля Солонь раздѣляется на временную, удобнуюющую капиталъ, и пвѣтѣющую, содержащую въ себѣ много пвѣтѣ, даже иногда магнезіи, и потому...

ДЮРЬЕ. Что ты болтаешь?..

МАТІЛЬДА. Я объясняю вамъ составъ земли, а послѣ объясню различіе способовъ оладотворенія почвы.

ДЮРЬЕ. Что это за шутки!

МАТІЛЬДА. Я не шушу, паша!

ДЮРЬЕ. Гдѣ же ты успѣла научить оладотворенію почвы?

МАТІЛЬДА. Въ книгѣ земледѣлія.

ДЮРЬЕ. А гдѣ ты взяла такую книгу?

МАТВЛДА. Въ папѣхъ библіотекѣ, папѣхъ.

ДЮРЬЕ. Ба! у меня вліяетъ книги земледѣлія?

МАТВЛДА. Въ чудосномъ переплѣтѣ.

ДЮРЬЕ. И ты читала эти книги?

МАТВЛДА. Я хотѣла знати много, аи труя будеть стоить Рене поручеіе г. де Кайола, и расчитала, что съ терпѣніемъ и ловкостью онъ очень легко его исполнитъ... Увѣраю васъ, земледѣліе презимательная наука!

ГРАФННЯ. Матильда права, и выдѣтъ замужу, будеть въ состояніи оцѣнить свои земли, чему я до сихъ поръ не научилась.

МАТВЛДА. О! Когда я выйду замужу? Мнѣ еще остается много времени до тѣхъ поръ.

ДЮРЬЕ. Ты преразборчивая невеста!

МАТВЛДА. Кажется, мы не можете этого сказать, папѣ.

ДЮРЬЕ. Тебѣ предложили г. де Бурвилла, ты не хочешь съотрѣть на него.

ГРАФННЯ. Онъ право недуренъ!

Г-ЖА ДЮРЬЕ. Вы его знаете, графиня?

ГРАФННЯ. Да, я съ нимъ знакома.

ДЮРЬЕ. Прекрасный человекъ!

ГРАФННЯ. И далеко поидеть, я думаю.

МАТВЛДА. Онъ не богатъ!

ДЮРЬЕ. Какъ не богатъ?—у него 250 тысячъ франковъ капиталла.

МАТВЛДА. Да, въ земляхъ!

ДЮРЬЕ. Онъ можетъ ихъ продать.

МАТВЛДА. Нѣтъ, это мѣртва.

ДЮРЬЕ. Откуда ты набралась такой промудрости?

МАТВЛДА. Все въ папѣхъ библіотекѣ, папѣхъ.

ГРАФННЯ. Но у Бурвилла сестъ тетка.

ДЮРЬЕ. Онъ ея единственный наследникъ, а она, какъ я слышала, опасно болѣла.

МАТВЛДА. Напротнвъ, папѣ, она давно выдворовилъ!

Г-ЖА ДЮРЬЕ. Матильда!

МАТВЛДА. Вѣдь я очень выгодная невеста: 250 тысячъ франковъ приданого денегамъ... не считая будущиъхъ выдѣлъ...

ДЮРЬЕ. Надеждъ!.. гмъ... я надѣюсь...

МАТВЛДА. И я тоже, милый папѣ, я увѣрена, что вы долго проживете, по слову выдѣла имѣеть два значенія. Вы теперь соединились съ г. Жиро и вѣрно очень разбогатиете.

ДЮРЬЕ. У тебя есть братья?

Г-ЖА ДЮРЬЕ. Мы давно уже о немъ ничего не слышали...

ДЮРЬЕ. Я получилъ о немъ повѣстіе.

МАТВЛДА. Гдѣ же Густавъ? Отчего онъ не ѣдетъ къ намъ?

ДЮРЬЕ (запинаясь). Онъ... его... задержали на дорогѣ. (Матильда) Ты знаешь...

МАТВЛДА. Папѣ, я слишкомъ богатая невеста для г. де Бурвилла...

ДЮРЬЕ. Вѣдь ты хотѣла же выдти за своего двоюроднаго брата.

МАТВЛДА. Я думала, что можно его.

ГРАФННЯ. Вы его разлюбили?..

МАТВЛДА. Нѣтъ, онъ меня не любитъ; впрочемъ я готова выдти за г. де Шарре, т. е. Бурвилла, хотѣла я сказать, только кто знаетъ, можетъ быть мнѣ представится лучшая партія. Елиза очень бѣдна, а выйти за богача, отчего же ты мнѣ не поможешь? Я знаю, мнѣ нуженъ непремѣнно молодой даже старый мужъ, котораго я буду любить какъ отца.

ДЮРЬЕ (жестъ). Попытайся ты тутъ что нибудь?

Г-ЖА ДЮРЬЕ. Ронно ничего!

ГРАФННЯ. И точно такъ вышла замужу, Эмилъ, Матильда, у меня есть въ виду женихъ совершенно изъ папѣхъ наукъ.

МАТВЛДА. Въ самомъ дѣлѣ?

ГРАФННЯ. Одинъ изъ новыхъ родственниковъ имѣеть мнѣ недвѣно, что хочеть жениться. Онъ, очень богатъ!

МАТВЛДА. Сколько у него тысячъ капитала?

ГРАФННЯ. У него два милліона.

МАТВЛДА. Чудосно!.. А сколько ему лѣтъ?

ГРАФННЯ. Пятдесятъ лѣтъ!

МАТВЛДА. Еще лучше!

ГРАФННЯ. Но у него полбра...

МАТВЛДА. Какое счастье!.. я буду за нимъ ухаживать, мы станемъ вмѣстѣ грѣться у камина, какъ будетъ весело! Гдѣ же онъ?

ГРАФННЯ. Очень далеко, въ Батавіи, но женеть поспрашивать въ Парижѣ.

МАТВЛДА. Вы думаете, что я ему понравлюсь.

ГРАФННЯ. Ручаюсь, папереть впротѣмъ отъ этого, сдѣлаю оу, вполнѣ полагаюсь на мой выборъ.

МАТВЛДА. Какъ ты думаете папѣ, ноть выгодная партія?

ДЮРЬЕ. Ты кажется сходяшь съ ума?

МАТВЛДА. Напротнвъ, боюсь сдѣлаться слишкомъ расщупчивой.

ДЮРЬЕ. Ты согласиша провести нѣтъ свою жизнь съ человекомъ 55-ти лѣтъ?

МАТВЛДА. Но снотъ, а всю его жизнь—это совсѣмъ другое. Во всякомъ случаѣ, вѣдь вы не торопитесь меня выдать замужу, не все ли равно 6 мѣсяцевъ позже или раньше?.. Графиня имѣетъ систему родственнику, и черезъ три мѣсяца съ полношнй она сможетъ быть лѣтъ. Въ 50 лѣтъ можно прѣхать изъ Батавіи.

ДЮРЬЕ. Кстати, скажи-ка, гдѣ Батавія?

МАТВЛДА. Батнія, столица острова Явы... (Обращаясь къ Жиро, который входитъ). Неправда ли, г. Жиро?

ЖИРО. Да.

ЖИРО. Да.

ЖАНЪ. Чти прикажете?

МАТВЛДА. Вѣдь Батавія—столица острова Явы?

ЖАНЪ. Очень можетъ быть... и на этотъ счетъ несомнѣно увѣренъ, и знаю только страны, съ которыми имѣю дѣло... Батавія мнѣ не по-дорогѣ. (Графиня) Я слышала, что вы позоритесь, графиня, и послѣдннхъ засвѣдѣтельствовать какъ свое почтеніе!

ГРАФННЯ. Очень рада васъ выдѣтъ, г. Жиро!

ЖАНЪ (къ Жиро). Какъ ваше здоровье?

Г-ЖА ДЮРЬЕ. Благодарнй васъ, я здорова.

ЖАНЪ. А вы какъ поживаете, любезный г. Дюрье.

ДЮРЬЕ. Помаленьку... Ну что выни лѣтъ?

ЖАНЪ. Не станемъ говорить о лѣтахъ, при лѣтахъ... Дѣла идутъ хорошо.

ГРАФННЯ. Я слышала, что вы женитесь, г. Жиро, потѣшушъ поздравлюю; у васъ будетъ прекрасная жена, которую я очень люблю. Въ Лондонѣ я встрѣтилась съ однимъ знакомымъ, пошрочнымъ пошрочнымъ, много вѣмечкаго кнѣжества. Онъ прѣхалъ въ Англію сдѣлать засвѣдѣ для своего правительства на нѣсколько выгодныхъ услоніяхъ, для замолочна. Я ему много говорила объ васъ, черезъ три дня онъ будеть въ Парижѣ и прѣдѣтъ къ намъ; совѣтую не упускать такихъ важныхъ и интересныхъ сношеній. Вотъ мой свѣдѣтельный пошарокъ.

ЖАНЪ. Не пахожу словъ благодарить васъ.

ГРАФИНЯ. А ишь день подписаніе контракта а пролетавоно насъ спомини, дружанки, челоуѣкъ, употреблюющій такъ благородно свое богатство, нескла будетъ хорошо приплыть въ нашомъ обществѣ.

МАТВѢДА. Папѣ, какъ жалко, что Густавъ небудетъ на свадьбѣ Елены.

ЖАНЪ. Ои, непременно будетъ.

ДЮРЬЕ. Вы почему знаете?

ЖАНЪ. Я свѣдѣть успѣлся съ нимъ.

ДЮРЬЕ. Гдѣ?

ЖАНЪ. Въ моей квартирѣ.

Г-ЖА ДЮРЬЕ. Отчего же не пріѣзды онъ не явился точасъ къ отцу?

ЖАНЪ. Такъ какъ опасность исполнелась, можно не сказать...

Г-ЖА ДЮРЬЕ. Какая опасность?

ЖАНЪ. Успокойтесь, моя дружка... Преставилъ себя, гриппа, бѣдливый Густавъ, Дюрье котораго я очень люблю, — былъ только ему одному обязанъ, а несчастливый, съ таинственнымъ образомъ — преставилъ себя. Густавъ просрочилъ все, на бездѣлицу... на 6000 франковъ, и что отъ него гдѣ-то неимаетъ?

ГРАФИНЯ. Нѣтъ, не понимаю; куда же?

ЖАНЪ. Такъ называемъ мы Клиппъ; Густавъ написалъ мнѣ обо всемъ, сегодня утромъ, я зачиталъ. Мать, его главному кредитору, теперь Густавъ свободенъ.

МАТВѢДА. Вы прекрасно поступили, г. Жиро! (Г-жа Дюрье молча отираетъ слезы).

ДЮРЬЕ. Но, любезный Жиро, вы имѣли въ дѣло, касающагося до меня одного.

ГРАФИНЯ. Г. Жиро исполнилъ свой долгъ; сынъ г. Дюрье не долженъ оставаться въ Клиппъ.

ДЮРЬЕ. И конечно долго бы его тамъ не оставили, и хотѣли дать ему хорошей упрѣкъ.

ЖАНЪ. Въ вѣ другой разъ прочтите его, онъ еще не мало надѣлаетъ хлопотъ; нѣтъ есть же на свѣтѣ дураки, которые отдадутъ свои кредитныя деньги подъ заемныя письма извѣстныхъ сынковъ. Не дурако бы, еслибы молодые люди согласились составить тайное общество съ капиталомъ въ два милліона вселенъ и заставили бычатыя проклятыхъ ростовщиковъ въ 25 и 30 на 100, а н, какъ банкротъ обществу, постарался бы вытѣлать 60 на 100; нѣтъ слезная и вѣрная спекуляція, можно бы даже урѣдвать, зная, конечно также тайныя. А между тѣмъ и не хотѣли допустить, для собственнаго же расчета, чтобы сынъ моего будущаго компаньона сдѣлалъ иль тюрьмы, — честь нашей компаніи того не позволяла...

ДЮРЬЕ. Хорошо; откажи я вамъ долженъ 6 тысячь франковъ.

ЖАНЪ. Не считая палержекъ; но я спокоенъ, у меня есть вѣрное обезпеченіе.

Г-ЖА ДЮРЬЕ. Благодарю васъ, г. Жиро!

ДЮРЬЕ. А что, мой сынъ дома теперь, нѣтъ нѣтъ?

ЖАНЪ. Онъ пить ждетъ.

ДЮРЬЕ. Иду, раздѣлюсь, съ нимъ.

ЛАКЕЙ (входитъ). Нѣтъ мадамъ прислали матерію.

ГРАФИНЯ. Сейчасъ приду, всукай положитъ... (и-же Дюрье) Не хотите ли помочь мнѣ выбрать матерію на платье нашей невесты?

ДЮРЬЕ. Прощайте, графиня!

ГРАФИНЯ. До свиданія, г. Дюрье. (Дюрье уходитъ).

ЖАНЪ (графинѣ). Ишь вывелись!.. какое мнѣнство!

Г-ЖА ДЮРЬЕ. Подойди, сыиъ нашъ, Матвѣда! (Елизавета входитъ).

МАТВѢДА. Я останусь съ Елизаветой, мамею. (Елизавета подходитъ къ графинѣ и и-же Дюрье и здоровается съ ними).

ГРАФИНЯ. Мы племѣ хлопоты о вѣнцѣ подписанномъ плетъ... (Уходитъ съ и-же Дюрье).

ЖАНЪ (Елизѣ). Я толи отираюсь хлопоты для вѣнцъ; простите, мейя, что такъ скоро оставлю васъ. (Дѣлаетъ ея руку и уходитъ, но въ дверяхъ останавливается съ и. Дюрье).

ЖАНЪ. Вы еще были здѣсь?

ДЮРЬЕ. Я насъ поджидалъ! (Замираютъ дверь и уходитъ вѣнцъ).

ЯВЛЕНІЕ III.

ЕЛИЗА и МАТВѢДА.

МАТВѢДА. Ты сомнѣвъ преобразилъ г. Жиро, — вотъ что значить любовь! Онъ все время держалъ себя какъ челоуѣкъ, лучшаго общества, графиня не вѣрала глаголю. Ты будешь очень счастливна съ такимъ мужемъ.

ЕЛИЗА. Ты думаешь?

МАТВѢДА. И упрена. Г. Жиро тебя обожаетъ! Онъ просятъ мамею и мейя помочь ему въ выборѣ свадебной корзинки, не жалѣть денегъ, и увидя свадебную корзинку дочери герцога Рилья, которая выходила, на оавскаго князя, заказалъ для тебя точно такую же. Представь себѣ, между двумя уступками алимсонскихъ кружевъ, ѣдетъ рѣжа пѣти крупныя брилліанты. А сколько толковъ о твоёмъ замужествѣ...

ЕЛИЗА. Что же говорятъ?

МАТВѢДА. Мы нарочно сдѣлали съ мамею иль несколько визитовъ, чтобы услышать, что говорятъ. Ассамблеи, съ которыми мы прежде была знакомы, пытались пѣти! Кѣмъ такъ пріятно имѣть кого имбуи! Онъ ирпныкъ говоритъ: «Бѣдная Елиза, до Ронкуръ, не еше не замужемъ» — какъ казалъ... Теперь, дѣло другое; Елиза до Ронкуръ, вышла пѣти въ милліонера, ель покровительствуетъ графинѣ Сивелли, у Елены будетъ немногочисленный домъ въ Парижѣ; ее нельзя больше жалѣть, — какъ грустно!.. такъ люблю заводить; и лѣтъ шиппуютъ говорить. «Аупентальное, непостоянное счастье! бѣдная дѣвушка имѣетъ такую блестящую парію!..» Слыша пѣтъ людей, подумаешь, что отнимешь у нихъ счастье. Счастье даетъ Богъ, а кто больше тебя заслуживаетъ быть счастливною или счастливою? не знаю, какъ сказать, въ мужскомъ роѣ пѣтъ и женского!

ЕЛИЗА. (молча еѣ). Какъ ты умна!

МАТВѢДА. Я очень люблю тебя! Ты вѣрно замѣтила, какъ все переизмѣнилось около тебя, съ тѣхъ поръ какъ ты объявлена невестой.

ЛАКЕЙ (входитъ). Съ почтой принесены письма. (Кладетъ ихъ на столъ и уходитъ).

ЕЛИЗА. Вотъ мой отвѣтъ, я какъ-нибудь лучше получую пѣтъ пѣтъ писемъ...

МАТВѢДА. Ты ихъ не читаешь?

ЕЛИЗА. Перестала читать и знаю напередъ, что въ нихъ.

МАТВѢДА (беретъ три письма). Возьми случайно одно пѣтъ трехъ, начнемъ съ самаго дурнаго почерка. (Читаетъ) «Вашъ жемень прости злоухій» (говоритъ). То-ко-то. (Продолжаетъ читать). «Если хотите знать все подробно, напишите г. Жиро, ель первой почтой. Онъ вамъ расскажетъ... Будьте здоровы...» (говоритъ). Подписъ и-же. Но сколько органоэрическихъ опп-ботъ на каждомъ шагѣ. Вѣстиванное письмо всегда неспр-итно, по безграмотное вѣнцъ хуже... какъ ты думаешь?

ЕЛИЗА. Я получаю десятое письмо въ этотъ разѣ.

МАТВѢДА (бросая письмо въ каминъ). И бросаешь, пѣтъ въ огонь?

ЕЛВЗА. Всегда!

МАТЬЯБДА. Вотъ нисѣмъ отъ Габріелъ Кальбре.

ЕЛВЗА. Я объ ней четыре гола нпчего не слыжала. Ты помышляе се?

МАТЬЯБДА. Очень помню... Габріелъ была въ болыпихъ классяхъ, когда я ете спѣла въ матеяномъ, мы всегда смѣялись нахъ нелъ заел горюсть и чванство, отецъ ся развотатъ въ горюхъ саломъ; еше она всегда сердилась когда мать зистакала ее надѣвать длинныя шарканья до локтей, чтобъ не испоситъ платки. Габріелъ вышла замухъ на г. Вальбре.

ЕЛВЗА. Она нѣрно меня поправляетъ?

МАТЬЯБДА (пробывая нисѣмъ). Она такъ счастлива, дѣлываетъ о томъ замужеститъ,—трудно пошлроти. (Бросаетъ нисѣмъ во окно и распекаетъ нисѣмъ дулюе). Пошлроти нисѣмъ амы, что мой магалонъ...

ЕЛВЗА (беретъ нисѣмъ). Бепуа, хозадиъ галантерейного магалона, мы вѣсколю лѣтъ у него покупили и заложали 125 франконъ. Не читай, все одно и тоже... Погонорниъ лучше о тебѣ; когда же твоя свадьба?

МАТЬЯБДА. О, еше не скоро!

ЕЛВЗА. Отчего же?

МАТЬЯБДА. Представь себѣ, мнѣ хотять выписать мужа шъ Батаніи.

ЕЛВЗА. Что это значигъ?

МАТЬЯБДА. Это значить, что я только хочу выиграть время; до тѣхъ поръ Рене поправить свое состояние и женитса на мнѣ.

ЕЛВЗА. Ты такъ угонорилась съ г. де Шарзе?

МАТЬЯБДА. Нѣтъ, онъ и не знаетъ моего плана, не подозрѣваетъ даже, что любить меня, но неарешивно полюбить. Онъ пошлртался моего совѣта, стать замужитъ; когда же наживитъ трудный достаточное состояние, то очень удивитса, зашѣтнвъ, что любить свою кузину. Да гдѣ же онъ наидеть жену лучше меня, не правда ли?

ЕЛВЗА. Правда!

МАТЬЯБДА. Я вѣдь прехитрая; вчера написала обо немъ графилѣ, и она тотчасъ же вазлзась мнѣ помогать. Еслбѣ, я сказала всю правду, пащъ стать бы сердитъса, а теперь онъ терпѣливо станетъ жидать роственника графини; мы выдумали съ ней этого лювородного брата, который никогда и не существовалъ на свѣтѣ. Сколько присклоченій будетъ съ этимъ, гиснодшомъ; ты помышляеши, пріймѣ его будетъ отлагатса до тѣхъ поръ, пока Рене не устроитъ свои дѣла. Я придумую разныя притиснїя; до у него будетъ желтая лихорака, то погонъ буря задержитъ что, онъ станетъ тоцуть, его спасутъ; наконецъ прійдетъ ко Францію, даже въ Парижъ... Я хочу, чтобъ онъ дожделъ до Парижа, но выхолъ шъ гагона, будущій мой женихъ воспользуется, понадегъ похъ рельсамъ и будетъ раздвѣлать пошлртомъ. Это ужасно, но другого средства нѣтъ, тѣмъ хуже для него! Наша свадьба съ Рене отираздуется при бевгальскихъ огняхъ, какъ въ волшебныхъ сказкахъ, и мы будемъ очень счастливы. Но ты меня не слушаша! Что это, ты плачешь?

ЕЛВЗА (обнимая ее). Милая Матильда.

МАТЬЯБДА. Что съ тобой? Неужели ты несчастлива!.. я и не догадалась, что у тебѣ етъ горе... Скажи, ты не хочешь выйти за г. Шаро, и пойду и сейчасъ откажу ему, погонорю съ твоимъ отцомъ.

ЕЛВЗА. Батюшка нѣтъ дома, онъ зашлрзается приготовленїемъ къ нашей свадьбѣ.

МАТЬЯБДА. О чѣмъ же ты плачешь?

ЕЛВЗА. Ничего; у меня разстроены нервы. Внезапная перемена моего положенїя, лицебрлїя пошлрленїя друзей и любви сошлртъ стороны, воспоишлїе прошлаго, конечно пошлржиги горе, во пошлрторю. Это не болѣе какъ разстройство нервовъ; мнѣ отрядно плавать о прошломъ, слезы облегчаютъ сердце... Ты премилуо придумала и будешь пошлрпительна въ пошлрнечномъ парадѣ!

ЛАКЕЗ (докладывая). Г. Рене де Шарзе.

МАТЬЯБДА (дѣлаетъ шагъ къ двери). Вотъ кстати прїѣхалъ! Я скажу ему...

ЕЛВЗА. Замолчи! (Отирала глаза). Я тебѣ запрещаю, мою тебѣ ничего ему не гонорать.

МАТЬЯБДА. Хорошо, будь покойна!

РЕНЕ (входящїй). Здравствуй, Матильда, замечна ждѣть тебя нншъ съ бритомъ.

МАТЬЯБДА. Какъ, Густавъ здѣсь?.. Бѣгу!.. Рене, ты скоро прїѣдешь къ намъ?

РЕНЕ. Неарешивно.

МАТЬЯБДА (цѣлуя Елану). До свиданїя! (Къ Рене). А съ тобой не прощайса! (Уходитъ).

ЖЕЛЕНЕ IV.

ЕЛВЗА и РЕНЕ.

РЕНЕ. Какъ ваши здоровье?

ЕЛВЗА. Я здорова... Когда ты прїѣхалъ?

РЕНЕ. Сегодня утромъ.

ЕЛВЗА. И дополны своей пошлрзкой?

РЕНЕ. Очень доволенъ; работа которой я занялся, можетъ мнѣ быть полезна пошлрзлрствїя, я отослалъ ее г. де Кайюлю и жду отвѣта. А вы что пошлрзываете?

ЕЛВЗА. Вы не хотите дать мнѣ руку?

РЕНЕ. Непротивъ, отъ всего сердца.

ЕЛВЗА. Вы уже ннлѣлись съ гришней?

РЕНЕ. Нѣтъ еще; а она возмратилась?

ЕЛВЗА. Вчера.

РЕНЕ. И непрежнему добра къ вамъ?

ЕЛВЗА. Очень добра! (Молчїе).

РЕНЕ. А вашъ батюшка?

ЕЛВЗА. Батюшка здоровъ!

РЕНЕ. И счастливъ?

ЕЛВЗА. Да... Онъ почти совсѣмъ расплатился съ своимъ кредиторомъ... Когда онъ узналъ за кого я выхолъ замухъ, то сталъ даже предлагать батюшкѣ изаимы...

РЕНЕ. А свадебный контрактъ еше не подписанъ?

ЕЛВЗА. Нѣтъ еще... черезъ два дня его подписиуть.

РЕНЕ. Кто ваши свѣтѣлы?

ЕЛВЗА. Г. Дюръ и г. де Кайюль.

РЕНЕ. Значигъ, все рѣшено?

ЕЛВЗА. Всѣ! (Молчїе).

РЕНЕ. Мы рѣко будемъ выѣлѣть послѣ нашей свадьбы.

ЕЛВЗА. Отчего же?

РЕНЕ. Если я пошлрчу мѣсто, которое обнлалъ мнѣ г. де Кайюль, то принужденъ буду жить въ провинціи.

ЕЛВЗА. Но вы будете ннрлѣ прїѣзжать въ Парижъ?

РЕНЕ. Какъ можно рѣше... Трудъ будетъ мнѣ глазами разлеченїемъ... Теперь познате мнѣ предложить, амъ мой свадебный подарокъ! Онъ не великолѣпный, но всегда будетъ амъ напоишлѣй преданїемъ друга. Я заказалъ это кольцо порочно для ннсъ; оно открыватса; въ немъ волосы моей матери.

ЕЛВЗА. Я никогда съ нншъ не разстоюсь. Ваша мать была святая женщина, воспоишлїе о ней будетъ мнѣ всегда дорого... амъ колько прннесетъ мнѣ счастье...

РЕВЕ. И напомнить вам наши прекрасные планы за несколько недель тому назад. Вот что значить отлагать чтонибудь на десять летъ.

ЕЛИЗА (съ трудомъ удерживая рыданія). Умоляю васъ, не говорите объ этомъ, не лишайте меня послѣднихъ силъ... Прощайте!

РЕВЕ. Вы правы; прощайте!

ГРАФИНЯ (входящая и обращаясь къ Елизѣ, которая послѣднее вытираетъ слезы). Швей ждетъ васъ, милая Елиза, чтобы привѣрить вамъ платья; я сама выбирала, — пафюсь, что онъ дастъ непринятъ. Половое для обрученія, бѣлое для свадьбы. И хочу, чтобы вы были хороши какъ ангелы! (Целуетъ ее; Елиза уходитъ).

ВСТѢПЕНИЕ V.

ГРАФИНЯ и РЕВЕ.

ГРАФИНЯ. Какъ, вы слышъ, такъ-то вы встрѣчаетесь со мной послѣ долгой разлуки.

РЕВЕ. Простите меня, я сонкакъ потерялъ голову.

ГРАФИНЯ. Верно Соловь васъ такъ разстроилъ?

РЕВЕ. Не свѣдѣете ли вы мной... я не въ состоянн теперь думать.

ГРАФИНЯ. И я тоже, у меня большее горе...

РЕВЕ. Неужели?

ГРАФИНЯ. Да! это мнѣ ужасалось... посмотрите, какъ я перевидалась.

РЕВЕ. Приди, вы немножко поблѣднѣли.

ГРАФИНЯ. Вотъ уже три недѣли, какъ я плечу кажалъ бытъ...

РЕВЕ. Что же съ вами случилось?

ГРАФИНЯ. Наконецъ мнѣ издалумалось спросить меня... я очень несчастна; по-первыхъ совершенно раззорена...

РЕВЕ. Какъ?

ГРАФИНЯ. Или почти раззорена... у меня остается 100 тысячъ лировъ, доходу.

РЕВЕ. И это знатъ.

ГРАФИНЯ. Такъ-то вы меня утѣшаете?

РЕВЕ. Прикажете мнѣ плакать, оттого что у васъ остается 100 тысячъ лировъ доходу... не надобно раззоряться.

ГРАФИНЯ. А васъ не удерживаю, если вамъ больше нечего сказать мнѣ.

РЕВЕ. Простите!

ГРАФИНЯ. Что съ вами?

РЕВЕ. У меня болитъ сердце...

ГРАФИНЯ. Вы любите?

РЕВЕ. Люблю!

ГРАФИНЯ. И вамъ отивчангъ взаимностью?

РЕВЕ. Нѣтъ!

ГРАФИНЯ. А! великій философъ, повались!.. Неужели нѣтъ средства какъ избавъ устроить дѣло?...

РЕВЕ. Никакого!

ГРАФИНЯ. Со мной случилось то же самое.

РЕВЕ. Какъ, ваша похвалка въ Лондонъ?..

ГРАФИНЯ. Была неудачна... Вы замѣтили, что послѣднее время я жила очень уединенно; съ меня взяли обѣщаніе провести такъ все дѣло...

РЕВЕ. Кто же?..

ГРАФИНЯ. Когда женщины моухъ лѣтъ говорить о комъ нибудь неопредѣленно, не спрашивайте далѣе. Однимъ словомъ,

я ожидала прїѣзда ко-то-то въ Парижъ, но ко-то-то оставался въ Лондонѣ, писалъ мнѣ что боленъ, уговаривалъ, не прїѣзжать въ Лондонъ, а положить его въ Парижъ... Конечно, я тотчасъ же отпривилась.

РЕВЕ. И нашли все благополучно; нѣвѣстная вамъ особа была здорова и ухаживала за другой женщиной.

ГРАФИНЯ. Кто вамъ сказалъ?..

РЕВЕ. И угадываю...

ГРАФИНЯ (молчаливо). Я хотѣла убить себя.

РЕВЕ. Неужели?

ГРАФИНЯ. Не пѣзъ любви, а пѣзъ гордости. Я никакъ не могла привыкнуть къ мысли, что мнѣ измѣнили, и когда весело и доблѣчивала бѣжала на встрѣчу кому-то, меня промѣняли на другую... Первыя минуты я была неутѣшна, потомъ добрые знакомые постарались меня развлечь, я пачала вытѣжать на болы, показала совершенное равнодушіе, планъ мой удался, меня стали ревновать, умолять о прощеніи, я ничего не хотѣла слышать и уѣхала въ Парижъ. Теперь мнѣ кажется, что я никогда не любила.

РЕВЕ. Берегитесь, не ошибаетесь ли вы?..

ГРАФИНЯ. Я совершенно уверена въ себѣ. Я мной послѣдства въ Парижъ... умоляють о прощеніи, хотѣли бытъ мнѣ мужень.

РЕВЕ. Простите... вотъ самое лучшее мнѣніе!

ГРАФИНЯ. Я отбсгига иначе; написала, что нѣкожу ячужъ за другаго въ самомъ дѣлѣ хочу такъ сдѣлать.

РЕВЕ. Вы прелестная женщина!.. Напишите одно слово: Прошаю, запечатать, на конвертъ поставьте адресъ: лордъ Ноттону, на Вандомской Плонцади, я берусь доставить письмо.

ГРАФИНЯ. Я только для васъ это дѣлаю.

РЕВЕ. Конечно! (беретъ письмо).

ЛАКЕЙ (входяще). Письмо къ г. де Шарзе.

РЕВЕ. Вы позволите, графиня? (читаетъ) аИ получилъ нашу работу, но мнѣ нужно поговорить съ вами объ одномъ важномъ дѣлѣ; жду васъ повсю, не желая острѣгаться съ господиномъ, который вхоптъ въ эту минуту въ графинѣ; здвнните меня передъ ней. Кайюль.

РЕВЕ (лакею). Хорошо, сейчасъ, приду (лакей уходитъ). До свиданія, графиня!

ГРАФИНЯ (протлвивая ему руку). До свиданія.

ЛАКЕЙ (докладывая). Г. Жанъ Жиро!

ЖАНЪ (входя). Вы отъ меня бѣжите, г. де Шарзе?

РЕВЕ. Несколько. Я собираюсь уѣхать въ ту минуту какъ о васъ доложилъ.

ЖАНЪ. Алы еще упалился, пафюсь.

РЕВЕ. Непременно (уходитъ).

(Продолженіе впрелѣ).

Въ прошеніи нумеръ (28), окраснѣ опечатки:

На стр. 451, сверху 7 строка :

вмѣсто ихъ: слѣдуетъ читать: своихъ
Строка 8, » для которыхъ » » которыми

На стр. 458, сверху 29 строка:

вмѣсто Гирдонн слѣдуетъ читать: Гардонн.